

вающемся вокруг него новом политическом и культурном мире. На крутом трагическом повороте истории произошла как бы более трезвая оценка ценностей, составлявших на данном историческом этапе реальное содержание духовной жизни греческого народа.

Одна из таких реальностей первостепенной важности — язык, единственный в Греции живой язык общения, которому на протяжении веков отказывали в праве быть одновременно языком литературы¹. Первые серьезные попытки привнесения народного языка в литературу относятся, как известно, к XII в. С XIII в. круг литературных произведений на народном языке значительно расширился.

В этом приобщении литературы к народной языковой и поэтической стихии находит, по-видимому, выражение процесс более острого восприятия и осознания этой стихии как родной, «национальной», кровно связанной со всем греческим миром, оказавшимся вдруг на пороге пропасти.

Народному языку открывается, однако, не вся византийская словесность. Это прежде всего художественная литература, так сказать — беллетристика. Такие же области, как историография, риторика, философия, филология, продолжали развиваться в основном на традиционном классическом языке. Более того, стремление к глубокому, совершенному знанию языка Гомера и Платона, Геродота и Демосфена становится в последние века существования Византии важнейшим аспектом «национального» самоутверждения, ощущения эллинской культурной преемственности, неугасимости греческого гения. «Мы, — заявлял Гемист Плифон, — эллины по происхождению, о чем свидетельствуют наш язык и отцовское воспитание» (PG. T. 160. Col. B 21 B).

Именно с этим направлением связаны в культуре XIII—XV вв. имена деятелей византийского гуманизма, писателей и ученых Никифора Влем-мида, Феодора Метохита, Никифора Григоры, Варлаама, Никифора Хумна, Максима Плануда, Мануила Хрисолора, Георгия Трапезундского, Виссариона, Гемиста Плифона. Их деятельность, направленная на углубление в эллинское прошлое и его постижение, способствовала не только расширению границ византийской культуры, но и накоплению духовно-интеллектуального потенциала европейского Возрождения.

Для самого же византийского общества все большее погружение в древний язык и культуру и их идеализация становились в определенной мере явлением, еще более обострявшим сложную и непреодолимую для Византии проблему двуязычия, наличия двух культур, причастность или непричастность к которым определялась степенью образованности, а в конечном счете — социальной принадлежностью. Чем дальше и глубже проникался византиец культурой прошлого, тем разительнее был контраст между этим прошлым и народноязычным потоком современной ему византийской культуры. Степень отдаления массы византийцев от эллинской исторической и мифологической традиции, ее незнания и непонимания иногда поражает настолько же, насколько удивляет осведомленность в культуре прошлого немногочисленных византийских «пуристов».

В сложной картине сосуществования двух культурно-литературных течений, развивающихся как бы не соприкасаясь, нередко различимы темы и идейные тенденции, возникающие под влиянием общих исторических факторов, единой культурно-политической атмосферы, общегреческой «национальной» идеи.

Вряд ли следует соглашаться с мнением, что привнесение народного языка в официальную византийскую литературу произошло под влиянием новоязычных европейских литератур, под воздействием западных веяний, возникших в результате крестовых походов. Едва ли правомерно столь значительное явление греческой культуры, как возникновение и утверждение народноязычного литературного потока, объяснять влиянием внешних факторов, хотя было бы ошибочным и приуменьшение значения западноевропейского фактора в развитии греческой литературы XIII—XV вв. Глубокая враждебность к поработителям не всегда, однако, лишала греков способности воспринимать и их достоинства. Византийцев впечатляли — и это находило подсознательное или осознанное отражение в литературе — молодость, свежесть, непосредственность, оригинальность культуры, которые несло с собой западное рыцарство.

При принципиальном разграничении в литературе двух потоков византийской культуры — классической и народной — случается и нарушение языковых граней. Во-первых, это

---

¹ См.: Попова Т. В. Византийская народная литература. М., 1985. С. 29 сл.